

А. Н. МОСЕЙКО,

старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН, кандидат философских наук

РОССИЯ XX ВЕКА: РАСКОЛЫ КУЛЬТУРЫ (РЕАЛИИ, ОБРАЗЫ)

Великим и трагическим был XX в. для России. Он породил многоликую, необычную, ярко талантливую культуру.

Уникальность российской культуры XX в. — в ее принципиальной пограничности, не только характерной для любого творчества, но вытекающей из пограничья российской цивилизации, на протяжении веков развивавшейся на стыке, в зоне противоречивого взаимодействия и взаимоотталкивания Востока и Запада, европейских и неевропейских культурных моделей, в пространстве сосуществования православной цивилизации с анклавами мусульманской и буддистской цивилизаций, сосуществования различных этнических культур и религий.

Пограничный характер культуры проявился и в противоречивом единстве двух важнейших тенденций: тенденции «всемирной отзывчивости», «всеединства», «цивилизационного моста» между Западом и Востоком, вплоть до идей избранничества и мессианства, и тенденции антиглобализма, заложенной в ментальных основах российской цивилизации и порождающей идеи «особого исторического пути».

В российской культуре и ее творческом субъекте — интеллигенции — всегда обнаруживалась также тенденция озабоченности

мировыми проблемами жизнеустройства (как глобальными, так и внутренними), социального критицизма, увлеченности радикально-утопическими (социалистическими, марксистскими, реформаторско-демократическими и т. д.) проектами.

Неслучайно ярчайший период развития нашей культуры — Серебряный век — исподволь, подчас незаметно для ее представителей сформировал мощный потенциал социального взрыва. Как подтекст творчества представителей Серебряного века, так и их деятельность (например богоискательство) вели к разрушению важнейших устоев, национальных доминант культуры. При всей противоречивости их мировоззрения (демократизм-элитарность; традиционализм-радикализм и т. д.) общим в нем было стремление к немедленному обновлению ценностей, норм общества, пафос «исцеляющего» разрушения. Большинство из них восприняло как праздник февральскую революцию, не ощущая надвигающейся катастрофы. Правда, отдельные предчувствия, озарения были: наиболее яркое — поэма А. Блока «Возмездие».

Октябрьская революция, Гражданская война привели к первому катастрофическому расколу российской культуры на культуру метрополии и культуру диаспоры. Явление этого раскола уникально, уникален характер российской эмиграции — не только масштабом, но и широтой рассеяния, но и системностью. В русском зарубежье оказалась в уменьшенном виде вся российская культура, представленная литературой, искусством, наукой. В ней были те же идейно-культурные течения, школы, оппозиции, объединения. Г. Струве довольно точно назвал этот феномен культуры «временно отведенным в сторону потоком».

В то же время эта культура резко отличалась от культуры метрополии не только своей ситуацией «изгнания», «отвергнутости», одиночества в инокультурной среде, но и своими основными идеалами и надеждами. Если в Советской России господствующими как в политической, так и в культурной жизни были идеалы мировой революции, победы социализма, то доминантой культуры зарубежья была надежда на крушение большевизма, идеалом — спасение России от большевиков. Поэтому образом их мира (среды обитания) было временное, зыбкое существование, чужбина, бездомность. Неслучайно мифологема Дома становится одной из центральных в творчестве зарубежья. И если в первые годы эмиграции образ Дома связывается с покинутой Родиной и надеждой вернуться, то с течением времени образ Дома уходит в память, в подсознание, а в творчест-

ве начинают господствовать образы «Псевдодома» — съемные квартиры, мансарды, гостиничные номера (в творчестве В. Набокова, Н. Тэффи, И. Бунина), а также образы корабля, поезда, вагона, трудной дороги.

В среде писателей, художников, ученых с годами нарастает одиночество (Г. Адамович писал, что литература не может питаться только воспоминаниями, ей нужен «пафос общности»), а также проблема выбора: остаться верными своим — русским — темам, языку или начать писать на языке страны обитания, а значит, погрузиться в чуждую стихию речи и ментальности.

Этот выбор, очевидно, первым сделал В. Набоков, написав в 1938 г. свой роман на английском языке. О том, чего стоил этот выбор, говорят пронзительные строки в стихотворении «К России», написанном в 1939 г.:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен, я умираю
От слепых наплываний твоих...

Многие из молодого поколения, а также дети эмигрантов почти полностью ассимилировались: Анри Труайя, Эльза Триоле, Натали Саррот, Марина Влади, Ромен Гари, Питер Устинов и др. Это поколение вместе с перемещенными лицами (дипристами) можно отнести ко второй волне эмиграции. Сколько-нибудь значительные имена или результаты творчества людей, попавших в зарубежье после окончания Второй мировой войны, назвать трудно.

Большой интерес представляет третья волна эмиграции, третий период существования русского зарубежья, который одновременно знаменует второй существенный раскол российской культуры на официальную и неофициальную. С конца 1950-х гг., после разоблачения культа личности Сталина начинает формироваться культура, получившая множество названий: «подпольная», «катакомбная», андеграунд, «чернуха», позже — авангард II (авангард — начало XX в.) и, наконец, в конце века — постмодернизм.

Российский постмодернизм, развиваясь одновременно с западным, отличается от него в силу особенностей самой российской культуры — ее пограничности, ее уже отмеченных ранее тенденций, ее субъекта — интеллигенции. Коротко говоря, это крайняя озабоченность интеллигенции общественными делами и одновременно отрешенность от жизни государства и общества.

Остро воспринимаемая общественное неблагополучие, творцы культуры 1960–1980-х гг. испытывали настроения экзистенциональной горечи, чувство напрасно прожитой жизни. С. Довлатов так обозначил повествовательную

раму рассказа о своей жизни, о жизни постсоветского человека: «Я оглядел пустой чемодан. На дне — Карл Маркс. На крышке — Бродский. А между ними — пропащая, бесценная, единственная жизнь». В картине В. Калинина «Коновязь» (вызывающей в памяти образы оруэлловского «Скотного хозяйства»), в образах И. Лубенникова («Полночь»), Л. Дульфана («Крик»), В. Титова («Пивная лавка», «Прием посуды», где среди пьянчуг — ангел с крыльями, но в облике пьяницы), В. Комара и А. Меламида («Без названия») — темы одиночества, тоски, обреченности.

Однако уже в 1970–1980-е гг. к настроению подавленности прибавились чувства протеста, выразившиеся в «альтернативной» литературе и искусстве. Новизна эстетики этого периода в том, что ужасное, безобразное изображается не как отклонение, а как норма, повседневность, в которой святое — материнство, любовь — принимает тот же безобразно-повседневный облик. Часто эти образы ироничны, высмеиваются «святыни» советской действительности.

В 1970–1980-е гг. советское правительство выслало или принудило уехать многих литераторов и художников. Однако это поколение зарубежья существенно отличалось от первого. Эти люди сложились в Советском Союзе, их мировоззрение, пусть оппозиционное, было соткано из проблем советской действительности. Они не чувствовали себя полностью оторванными от страны. Оставленная Родина полностью определяла темы и образы их произведений. Саша Соколов писал: «Я русский писатель, пишу по-русски, существую в русском измерении... Глядя отсюда, могу сказать, что Россия — земля для писателя необычайно благодатная...».

Конечно, эмигранты остро ощущали «чужбину», но они не успели полностью испытать ту чашу горечи, которая досталась эмигрантам первой волны. Уже в конце 1980-х их печатали в России, многие из них вернулись на родину.

Можно говорить и о четвертой волне эмиграции — после распада СССР (например Чин-

гиз Айтматов) — это люди, либо не вписавшиеся в новую реальность, либо не выдержавшие «испытание свободой». В последние годы в среде деятелей литературы и искусства появляется все больше людей космополитического склада, для которых возможно творчество «ни в каком мире, ни в каком месте».

Хотелось бы завершить доклад некоторыми выводами и прогнозами. Прежде всего, культура России, несмотря на расколы и противоречия, живет интенсивной жизнью, развивается и ищет новые пути, новые отношения к реальности. В настоящее время главные противостояния в ней:

— культура художественная — культура коммерческая, массовая;

— культура традиционная — культура авангардистская (постмодернистская).

Каково будущее культуры? Сейчас заметна тенденция обращения к новому реализму, поиски духовности (А. Матвеев — «Обретение веры»; М. Харитонов — «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича»).

Дерзкий постмодернист поэт Ю. Арабов уже в 1994 г. писал: «Консервативная тенденция возьмет верх, то есть будет восстановлена духовная вертикаль...»

В обращении художников в рамках проекта «Искусство XXI века — Полиреализм» говорится, что полиреализм — это создание произведения, где есть «образ, мысль, предметность, формальная новизна».

Очень важным для будущего культуры является забота об ее экологии. Как подчеркнул философ и культуролог М. Эпштейн: «Важнейший урок наших прошлых потерь — бережность к настоящему. Нигилизм многолик: вчера он требовал разрушения древних святынь, апеллируя к светлому будущему, сегодня он требует положить конец... “авангардистским выходкам”, апеллируя к светлому прошлому. Экология культуры требует признать достойными существования все виды и типы творчества, которые в своем взаимодействии образуют многосложную культурную систему...».